

Харлампович Константин Васильевич

Архимандрит Макарий Глухарев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
К65

К65 **Константин Васильевич Х.**
Архимандрит Макарий Глухарев / Харлампович Константин Васильевич — М.: Книга
по Требованию, 2024. — 131 с.

ISBN 978-5-521-28888-5

ISBN 978-5-521-28888-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

справка понадобилась потому, что академическій аттестатъ М. Глухарева, вслѣдъ за семинарскимъ, допустилъ большую ошибку въ опредѣленіи его возраста, именно увеличивъ на два число его лѣтъ. И это показаніе офіціального документа отразилось на формулярныхъ отмѣткахъ возраста о. Макарія, даже писанныхъ его рукою. Такъ, собственноручно писанная имъ „Вѣдомость о настоятелѣ болховскаго троїцкаго оптина монастыря“ за 1844 г. даетъ ему 54 года (вмѣсто 52 съ небольшимъ). А въ одномъ письмѣ къ какому-то о. Іакову, отъ 9 дек. 1835 г., когда о. Макарію было 43 г., онъ приписываетъ себѣ 46 лѣтъ („Письма“, стр. 315). Впрочемъ, о. Макарій не всегда забывалъ, сколько ему лѣтъ въ дѣйствительности ¹⁾...

Родился Михаилъ Глухаревъ (таково было мірское имя архим. Макарія) въ г. Вязьмѣ смол. губ. отъ священника богоявленской церкви Іакова Глухарева и его жены Агаѳи Теодоровны. О. Іаковъ получилъ полное семинарское образованіе и изъ тогдашняго духовенства выдѣлялся своими нравственными качествами; у прихожанъ и горожанъ пользовался любовью и уваженіемъ, которыя заслужилъ между прочимъ своей благотворительностью. Извѣстенъ онъ былъ и своей проповѣднической дѣятельностью. Насколько онъ интересовался этой стороною пастырскаго служенія, видно изъ того, что въ одномъ письмѣ къ сыну Михаилу проситъ прислать проповѣди (думается, студенческія проповѣди самого Михаила), а въ другомъ высказываетъ сожалѣніе, что въ смоленской семинаріи въ философскомъ отдѣленіи, гдѣ учился младшій сынъ Алексѣй, за весь годъ студентамъ не назначили ни одной проповѣди. Нѣтъ сомнѣнія, что и широкую благотворительность и любовь къ проповѣди архим. Макарій унаслѣдовалъ отъ своего отца... А какова была мать его, видно изъ одной строчки письма къ нему о. Іакова: „Мать приказывала: дѣтей не бей. Они умны будутъ. Богъ съ ними!“...

Такіе родители не могли не оказывать самаго благотворнаго вліянія на нравственное воспитаніе своихъ дѣтей, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ архим. Макарій. Въ написанномъ имъ „Поминовеніи преосв. Іова“ (архіепископа екатеринославскаго), представляющемъ по содержанию и по изложенію его исповѣдь, своимъ тономъ напоминающую Confessiones блж. Августина,—архим. Макарій коснулся той заботливости, съ какой его мать слѣдила за направленіемъ его душевной жизни. „Я помню самыя первыя ко грѣху попопновенія моего отрочества, и не помню ни одного изъ грѣ-

„Архим. Макарій Глухаревъ и его отношенія къ роднымъ“ (Смолен. Епарх. Вѣд., 1904, №№ 10—16).

¹⁾ См. свидѣтельство прот. С. В. Лялдышева, „Миссіонеръ“, 1877, 42 и прим.

ховъ моихъ, отъ котораго Ты (Господи) не отвлекалъ меня стыдливостію, безпокойствомъ души, вѣщными наставленіями, увѣщаніями и наказаніями, и сильными извѣщеніями и страхованіями внутренними... Но какъ только настала бурная юность, вѣтры страстей завывли, вихорь разсѣянія нашель, налегла сила примѣра, свѣтъ истины во мглѣ вольнодумства сокрылся, надулся потокъ нечестія, воскипѣли волны похотей, разжигаемыхъ огнемъ гienскимъ, размыли и разрушили твердыни и естественной честности, и воспитанія благочестиваго, и благодати... Съ 17 года жизни началъ я окаянный погрязать въ тинѣ сладострастія самаго грубаго, осквернять храмъ Твой, Душе Святой, истощалъ крѣпость души и тѣла, расточалъ богатство дарованій твоихъ, Отче небесный, въ блудодѣяніи... Мать моя (даруй ей, Господи, царство небесное), еще въ дѣтствѣ моемъ скончавшаяся, уже предчувствовала главную страсть моей юности, и прещеніемъ клятвы желала внушить мнѣ ужасъ и отвращеніе къ ней. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ грѣхъ въ первый разъ содѣянный породилъ смерть, и въ тотъ именно день, какъ похоть зачехши родила грѣхъ, сестра моя напомнила мнѣ о семъ проклятіи матернемъ"... И хотя оно не спасло Михаила отъ грѣха, все же „какъ тяжкій камень на сердцѣ его, жгло и опаляло душу его, какъ огонь правды или какъ молнія во мракѣ nocturno, сверкало въ умѣ его, покрытомъ густою тьмою, и ужасало его“¹⁾...

Характеръ нравственныхъ наставленій отца проявился отчасти въ его письмахъ къ сыну-студенту академіи. Онъ здѣсь совѣтуетъ „другу своему Михаилу“ питать по отношенію къ своему начальству и товарищамъ чувства уваженія, смиреннаго уничиженія и услужливости, ибо только смиреніе возноситъ. Къ экзаменамъ отецъ рекомендуетъ готовиться покаяніемъ и молитвой. „Міра не люби, плоти не угоди“, наставляетъ онъ сына, и особенно отвращаетъ отъ знакомства съ спиртными напитками, позволяя выпивать только по рюмкѣ краснаго вина или пить его съ чаемъ. „Я знаю, писалъ отецъ, что сложеніе твое пылкое: побережешь себя—поживешь“. Каковъ былъ о. Іаковъ по представленію своего старшаго сына и какое нравственное вліяніе имѣлъ на него, видно изъ письма послѣдняго къ брату отъ 22 ноября 1827 г. съ благодарностью за присылку портрета умершаго отца: „Какое вы подаркомъ симъ утѣшеніе и пользу мнѣ сотворили, душа моя знаетъ и чувствуетъ, а слово не можетъ довольно выразить. Благодарю сердечно и почтеннаго живописца, искусствомъ своимъ сохранившаго для сладчайшихъ воспоминаній сіи черты неизмѣннаго праводушія, общаго всѣмъ доброжелательства, вѣры и упованія на Промыслъ Божій, и христіанскаго мужества, толпкими скорбями

¹⁾ „Поминовеніе“ напечатано въ „Письмахъ“ 1905 г., стр. 29. 30.

искушеннаго и побѣдившаго плоть, міръ и діавола силою Божіею. Сіе священное для насъ изображеніе обличаетъ во мнѣ все низкое и нечистое, и внушаетъ мнѣ священныя чувствованія и помышленія, поощряетъ меня къ труду, успокоиваетъ меня въ смущеніи, разгоняетъ туманъ унынія“ („Письмо“, стр. 12).

Въ родной семьѣ Михаилъ Глухаревъ получилъ и первоначальное образованіе. Имъ занялся отецъ и велъ его такъ успѣшно, что Михаилъ семи лѣтъ могъ дѣлать переводы съ русскаго языка на латинскій. На восьмомъ году онъ поступилъ въ школу, но съ послѣдней у него связалось тяжелое воспоминаніе. Однажды суровая угроза учителя заставила его возвращаться домой съ плачемъ. Это было зпмой, онъ простудился, прохворалъ полгода и у него на всю жизнь ослабли грудь и голосъ. Впослѣдствіи, когда Михаилъ учился уже въ академіи, отецъ особенно совѣтовалъ ему беречь здоровье и не „ретивиться“ въ наукахъ: „безъ здоровья ученіе ничто“, писалъ онъ: „младость побережешь—старость наживешь“.

Послѣ грубой, хотя и обычной въ то время выходки вяземскаго педагога, отецъ М. Глухарева отдалъ сына 1 сентября 1800 г. въ смоленскую духовную семинарію, и онъ такимъ образомъ вышелъ изъ непосредственнаго вліянія семьи. Нѣтъ нужды говорить, какъ далеки были отъ педагогическаго идеала духовныя школы того времени. Въ частности о смоленской семинаріи можно найти любопытныя страницы въ книгѣ г. И. Сперанскаго ¹⁾. Можно однако думать, что М. Глухаревъ былъ помѣщенъ не въ общежитіи, а на частной квартирѣ въ домѣ какого-нибудь благочестиваго семейства, которое могло умѣрить всю силу вреднаго вліянія на мальчика дурного товарищества и школьной обстановки.

Въ Смоленскѣ М. Глухаревъ учился до 1813 г., когда долженъ былъ закончить полный семинарскій курсъ. Въ сущности ученіе прервалось раньше: по случаю наполеоновскаго нашествія семинаристовъ распустили по домамъ 11 іюня 1812 г. ²⁾. Вновь началось ученіе только въ первыхъ числахъ сентября 1813 г., но уже 16 числа М. Глухаревъ былъ назначенъ учителемъ латинской информаторіи, т. е. того класса, въ которомъ изучались этимологія латинскаго языка, правописаніе и чистописаніе. Изъ семинаріи М. Глухаревъ вынесъ знаніе языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и еврейскаго, богословія, исторіи, географіи, ариметики, латинскаго и русскаго краснорѣчія. Вступая въ должность учителя, М. Глухаревъ имѣлъ уже за собой и нѣкоторый педагогическій опытъ. По закрытіи семинаріи въ 1812 г., онъ въ

¹⁾ Очеркъ исторіи Смоленской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ (Смоленскъ, 1892 г.).

²⁾ И. И. Орловскій, Смоленская семинарія въ 1812 г. (Смол. Епарх. Вѣд., 1902, 751).

Тверской губерніи обучалъ дѣтей одного помѣщика, вѣроятно изъ вяземскихъ, причемъ, вращаясь въ свѣтской средѣ, перенялъ тѣ свѣтскія манеры и ту благовоспитанность, которыми послѣ выдѣлялся изъ толпы товарищей-студентовъ петербургской академіи.

Учителемъ информаторскаго класса М. Глухаревъ былъ недолго, и, по свидѣтельству аттестата, „въ сей должности находясь, исправлялъ оную препохвально и велъ себя по жизни честно“; вмѣстѣ съ другими учителями сказывалъ положенныя проповѣди. Когда, по синодальному указу 22 мая 1814 г., потребовались и изъ Смоленской семинаріи студенты для образованія второго курса Петербургской академіи, то 4 августа, по резолюціи смоленскаго преосвященнаго, вмѣстѣ съ студентомъ Захаріей Смирягинымъ былъ отправленъ и учитель Глухаревъ, причемъ правленіе семинаріи на экипировку ихъ и путевые расходы издержало 565 р. 30 к.

Къ концу августа съѣхалось въ Петербургскую академію 47 человекъ и всѣ они, послѣ экзамена, произведеннаго 1—2 сентября, были приняты, хотя нѣкоторые изъ нихъ оказались недостаточно подготовленными. Въ дѣлѣ внутренняго правленія академіи за № 25 (1814 г.) имѣются записи студентовъ, желавшихъ изучать спеціальные предметы. М. Глухаревъ записался на еврейскій языкъ (въ числѣ 18) и на исторію съ географіей (въ числѣ 34). Французскаго съ нѣмецкимъ онъ не пожелалъ изучать,—вѣроятно потому, что основательно зналъ ихъ; не записался онъ также на математику и физику, въ чемъ послѣ раскаявался. Поселенъ онъ былъ въ „камарѣ“ № 13.

Въ академіи М. Глухаревъ съ самаго же начала занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ по благоправію и прилежанію. Въ ежемѣсячныхъ спискахъ, представлявшихся инспекторомъ академіи правленію, онъ фигурируетъ то на 7 мѣстѣ (считая 6 „старшихъ“) — въ числѣ студентовъ „поведенія и нравовъ очень хорошихъ“; то на 9 (считая 5 „старшихъ“), какъ человекъ „отлично прилежный, чистосердечный, молчаливый и кроткій“ (такъ аттестованы только двое); то 11, какъ „весьма кроткій и прилежный“; то 1-ое. Съ января 1815 г. по августъ онъ аттестуется какъ „отлично благонаправный“ и въ годичной вѣдомости занимаетъ первое мѣсто ¹⁾). Благодаря же своему прилежанію и дарованіямъ, Глухаревъ признается и со стороны преподавателей отлично успевающимъ и отмѣчается высшимъ балломъ. Только по греческому языку успѣхи его обозначены терминомъ *mediocriter* и онъ поставленъ седьмымъ отъ конца ²⁾, быть можетъ потому,

¹⁾ „Внутренняго правленія дѣло по запискамъ инспектора академіи архим. Филарета о поведеніи студентовъ академіи. № 15. 1814“. Филарета-Амфитеатрова.

²⁾ *Птоховъ П. В.* Архим. Макарій (Глухаревъ), основатель алтайской миссіи (М. 1899), 13.

что греческаго языка въ семинаріи онъ не изучалъ. Особенно хороши были письменныя работы М. Глухарева, вызывавшія одобреніе даже со стороны такого строгаго критика, какимъ былъ ректоръ архим. Филаретъ (Дроздовъ): его „прекрасно“, „превосходно“ очень часто встрѣчаются на академическихъ сочиненіяхъ Глухарева, хранящихся донинѣ въ библіотекѣ московской дух. академіи ¹⁾. Общій же итогъ занятій М. Глухарева за всѣ три года академической жизни ²⁾ выразился въ томъ, что онъ окончилъ курсъ (18 іюля 1817 г.) 10-мъ магистромъ. Правда, существуетъ преданіе, по которому за М. Глухаревымъ профессорами было признано первое мѣсто, но въ конференціи превозмогла мысль ректора Филарета, который, развивая въ немъ смиреніе, полагалъ за лучшее понизить его въ спискѣ студентовъ ³⁾.

Такъ это или нѣтъ, взаимныя отношенія ректора архим. Филарета и студента М. Глухарева заставляютъ остановиться на нихъ подольше, потому что они глубоко отразились на послѣднемъ и прошли красной нитью чрезъ всю его жизнь. Благочестивый, скромный и благовоспитанный и въ то же время крайне живой, подвижной и нѣсколько восторженный ⁴⁾, М. Глухаревъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ректора Филарета, который съ своей стороны произвелъ такое сильное впечатлѣніе на юношу, что всецѣло покорилъ его себѣ. Самъ Глухаревъ послѣ сознавался, что съ поступленія своего въ академію отдалъ свою волю ректору Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы. Какъ-то, нуждаясь въ деньгахъ, М. Глухаревъ вздумалъ продать бывшій у него рѣдкій и дорогой экземпляръ еврейской Библии съ нѣмецкимъ переводомъ, съ тѣмъ, чтобы купить изданіе подешевле. Но, спрошенный о совѣтѣ, Филаретъ не благословилъ этой операціи. Тѣмъ не менѣе Глухаревъ, спустя нѣкоторое время, уже предъ самымъ выходомъ изъ академіи, продалъ Библію на базарѣ. Но этотъ поступокъ подвергъ его такимъ мученіямъ совѣсти, не дававшимъ ему покоя ни днемъ, ни ночью,—что онъ отправился искать свою книгу. Не найдя ее, купилъ Библію дру-

¹⁾ Филимоновъ Д. Д. Матеріалы для біографіи основателя алтайской миссіи архим. Макарія (М. 1892), 6, прим.

²⁾ Почему курсъ продолжался три года, выяснено у И. А. Чистовича въ Исторіи Сиб. дух. академіи (1857), 267—271.

³⁾ „Странникъ“, 1860, августъ, 59. Чистовичъ выражается неопредѣленно: „Какія то предубѣжденія противъ него, возникшія до окончанія имъ академическаго курса, были причиной, что онъ не былъ оставленъ при академіи“ („Христ. Чтеніе“, 1872, III, 4).

⁴⁾ Такимъ М. Глухаревъ рисуется въ воспоминаніяхъ одного его академическаго товарища („Миссіонеръ“, 1874, 6; ср. И. А. Чистовичъ, Исторія перевода Библии на русскій языкъ („Христ. Чт.“, 1872, III, 4).

того, не менѣе рѣдкаго изданія, съ которой уже никогда не разлучался ¹⁾).

Ректоръ Филаретъ старался не только обуздать въ М. Глухаревѣ своеволие, но и смягчить и сгладить нѣкоторые недостатки его характера—вспыльчивость, раздражительность, нетерпѣливость и развитыя противоположныя имъ качества—терпѣніе, кротость, смиреніе. Этому ректоръ достигалъ строгимъ, даже жесткимъ отношеніемъ къ разнымъ промахамъ и оплошностямъ Глухарева,—суровыми взысканіями, сильными выговорами, отказами и намѣренной медлительностью въ исполненіи его желаній.—Полагаютъ, что М. Глухаревъ, благодаря Филарету, не увлекся тѣмъ мистицизмомъ, который тогда былъ моднымъ направленіемъ въ Петербургѣ и проникъ даже въ стѣны духовной академіи. Мистическія идеи объ озареніи отъ св. Духа, о возрожденіи и преобразованіи по внутреннему челоуѣку до обожествленія или точнѣе до полнаго слиянія съ Божествомъ, не чужды были благочестивой душѣ М. Глухарева, искавшей нравственнаго совершенства, и онъ усердно читалъ Іоанна Арьдта и другихъ европейскихъ мистиковъ. Склоненъ былъ къ мистицизму и Филаретъ, но онъ ясно понималъ различіе между современнымъ ему религіознымъ направленіемъ, отрицавшимъ обрядовую внѣшность, догматы и самую церковь, и святоотеческимъ мистицизмомъ. На это различіе онъ указалъ и Глухареву и тѣмъ спасъ его отъ увлеченія первымъ. Повліяло впрочемъ на него и посѣщеніе дома Татариновой, гдѣ ему пришлось къ своему ужасу видѣть, какимъ дикимъ способомъ мистики возбуждали въ себѣ духа... Но слѣды западно-европейскаго мистицизма остались въ М. Глухаревѣ на всю жизнь. Книгу Арьдта „Объ истинномъ христіанствѣ“ онъ считалъ лучшимъ твореніемъ, самъ читалъ съ охотой и другимъ рекомендовалъ. („Письма“, 266. 526). Затѣмъ онъ сохранилъ ту широту религіознаго сознанія, которая позволяла ему видѣть братьевъ во Христѣ въ представителяхъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, молиться въ Екатерининскѣмъ съ квакурами и мечтать объ устройствѣ въ Москвѣ храма съ тремя придѣлами—для православныхъ, католиковъ и лютеранъ.

Еще въ академіи М. Глухаревъ задумалъ принять монашество. Могъ тутъ вліять на него ректоръ Филаретъ, а могъ и самъ онъ придти къ этой мысли. Его отецъ, которому онъ за три мѣсяца до окончанія курса сообщилъ условно о своемъ намѣреніи, отвѣтилъ ему 19 іюля 1817 г. согласіемъ, причемъ предварекъ ему имя—Мелхиседекъ. Въ монашествѣ о. Іаковъ видѣлъ „первоначальное въ свѣтѣ званіе“... Но Михаилъ колебался. Такъ какъ въ монашествѣ онъ надѣялся найти помощь въ борьбѣ съ плотскими вожде-

¹⁾ „Миссіонеръ“, 1877, стр. 29, 30.

лѣніями, о напорѣ которыхъ онъ говоритъ въ своей исповѣди, то ему представлялось и другое орудіе для этой борьбы—женитьба. Съ такой раздвоенностью въ мысляхъ и желаніяхъ онъ окончилъ академію и въ сентябрѣ 1817 г. прибылъ въ екатеринославскую духовную семинарію, въ которую былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка. Въ Екатеринославѣ онъ не скрывалъ своего намѣренія жениться и ему даже сватали одну „достойнѣйшую дѣвицу“. Но его не влекло къ себѣ то общество, среди котораго онъ вращался, а затѣмъ два вѣщія сна, которыми М. Глухаревъ придавалъ обыкновенно большое значеніе, повліяли на него такъ, что 29 янв. 1818 г. онъ подалъ мѣстному преосвященному прошеніе о постриженіи.

Екатеринославскую кафедру занималъ тогда (съ 1812 г.) архіеп. Іовъ Потемкинъ¹⁾, двоюродный внукъ знаменитаго временщика, обладавшій характеромъ властнымъ и суровымъ. По изображенію прот. І. Герболинскаго, „видъ и взглядъ его былъ суровъ, глаза затѣнялись густыми черными бровями, голосъ былъ сильный и рѣзкій, характеръ отъ природы чрезвычайно горячій и вспыльчивый, а потому при малѣйшей несправности или сопротивленіи ему, онъ выходилъ изъ себя и дѣлалъ поступки самые неприличные, несмотря ни на какое время и мѣсто“. И по свидѣтельству о. Макарія, „въ епископскомъ служеніи Іова господствовала сила *яростная* (терминъ святоотеческій), отсѣкающая и сметающая всякую нечистоту, разрушающая всякое безчиніе и истребляющая всякое зло.—Отличительнымъ свойствомъ преосвященнаго въ управленіи и дѣйствіи на подчиненныхъ была строгость. Къ чему онъ ни прикасался по должности, все начинало горѣть, и горѣло, доколѣ не сгорало что-нибудь своевольное и безпорядочное. Гордость, которую иные уважаютъ въ другихъ, дабы и въ нихъ ее уважали, и которой начальствующіе иногда не беспокоятъ въ подчиненныхъ, боясь сами беспокоиться, гордость въ церковникахъ была первымъ врагомъ его, съ которымъ онъ боролся всею крѣпостію своего духа.—Гнѣвомъ Божиимъ вооружаемъ былъ преосв. Іовъ противъ гордости своихъ подчиненныхъ“²⁾.

Тяжесть ударовъ архіеп. Іова М. Глухаревъ испыталъ лично на себѣ, ибо, по собственному сознанію, грѣшенъ былъ гордостью вообще и гордостью ученой... Вѣроятно, задатки этого порока лежали въ природѣ его и затѣмъ пустили

¹⁾ Род. въ 1752 г. въ смоленской губерніи. По окончаніи сухопутнаго корпуса, пренебрегъ карьерой и удалился въ Молдавію и тамъ подвижничалъ въ монастыряхъ.

²⁾ «Нѣкоторыя черты жизни покойнаго преосвящ. Іова, архіепископа екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго, собранныя и изложенныя... Димитріемъ Мизкомъ». Спб. 1826, 24, 27—29. Ниже увидимъ, что дѣйствительный авторъ этой книжки—архим. Макарій.

ростки подъ вліяніемъ учебныхъ его успѣховъ и успѣховъ въ борьбѣ съ плотскими похотѣніями. Въ Екатеринославѣ же это чувство самоправедности и довольства собой возросло еще больше, благодаря служебному положенію и отношеніямъ. Когда М. Глухаревъ окончилъ академію, совершалось преобразование по новому плану (1808 г.) части духовныхъ школъ, въ томъ числѣ екатеринославской семинаріи. Обновлялись штаты и на упразднившіяся въ послѣдней мѣста были назначены преподавателями четыре вновь окончившіе студента петербургской академіи: Глухаревъ, Кутузовъ, Наумовъ и Цвѣтковъ. Но первый кромѣ учительской должности получилъ инспекторскую, и ему, повидимому, было предложено введеніе въ семинаріи новаго устава: по крайней мѣрѣ, онъ именно говорилъ рѣчь при открытіи екатеринославской семинаріи въ преобразованномъ видѣ¹⁾. Затѣмъ въ томъ же сентябрѣ преосвящ. Іовъ опредѣлилъ М. Глухарева ректоромъ екатеринославскихъ уѣзднаго и приходскаго училище, въ каковомъ званіи онъ былъ утвержденъ въ декабрѣ²⁾. Все это должно было очень поднять Глухарева въ собственныхъ глазахъ и способствовать развитію въ немъ гордости. Тому же содѣйствовали отношенія къ сослуживцамъ и учащимся.

Реформа мало измѣнила самый духъ заведенія. Въ семинаріи, несмотря на то, что большинство учителей были люди молодые, повидимому идеально настроенные, сохранилось старое, традиціонное отношеніе къ дѣлу—формально-равнодушное исполненіе обязанностей и интересъ къ увеличенію своихъ достатковъ, хотя бы на счетъ ученическихъ. Ректоръ архим. Никифоръ, изъ воспитанниковъ Екатеринославской же семинаріи, предъ назначеніемъ на эту должность (1816) былъ протопопомъ въ Новомосковскѣ. Это былъ человѣкъ стараго закала и строгій до несправедливости. Отъ него страдали всѣ подчиненные. Понятно, что М. Глухаревъ, съ его безкорыстіемъ, гуманностью, честностью долженъ былъ выгодно выдѣляться изъ числа всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Мягкій по природѣ, онъ чуждался всякой грубости и въ свои отношенія къ воспитанникамъ ввелъ тонъ самый дружелюбный, самый сердечный. Ласка, обнадеживаніе, поощреніе, бесѣда на дому, снабженіе учащихся собственными книгами, деньгами и предоставленіе въ ихъ пользу съѣстныхъ припасовъ, какіе духовенство по старой памяти несло инспектору семинаріи,—все это расположило къ Глухареву семинаристовъ и заставило ихъ прощать ему его строгость и требовательность, которыя онъ одновременно проявлялъ къ нимъ. О

¹⁾ Рѣчь эта была вытребована въ Петербургъ, въ комиссію духовныхъ училищъ (Филимоновъ, о. с., 8).

²⁾ Копія формулярнаго списка архим. Макарія за 1823 г. (изъ архива Костромской семинаріи). Птоховъ, о. с., 17.

любви и уваженіи къ М. Я. Глухареву екатеринославскихъ семинаристовъ свидѣтельствовали какъ они сами ¹⁾, такъ и разсказъ его о томъ, какое участіе принялъ въ немъ въ 1840 г. въ Москвѣ профессоръ медико-хирургической академіи Л. А. Ясинскій, его б. ученикъ („Письма“, стр. 361). Все это, вмѣсто сближенія съ прочей корпораціей, должно было повести къ разобщенію, къ непріязни. Докладывалось, вѣроятно, и архіепископу о непріятныхъ сторонахъ характера новаго инспектора...

Случилось, что очень скоро М. Я. Глухаревъ задѣлъ лично самого преосв. Іова. При наступленіи 1848 г. былъ составленъ въ семинаріи денежный отчетъ за истекшій годъ, причѣмъ показанъ остатокъ въ 15 т. р. асс. Такъ какъ эти деньги по старому обыкновенію хранились вмѣстѣ съ штатной архіерейской суммой у архіеп. Іова, а росписки послѣдняго при дѣлахъ семинаріи не имѣлось, то Глухаревъ отказался подписать отчетъ. Стоя на почвѣ строгой законности, онъ не хотѣлъ знать, что этимъ оскорбляетъ такого властнаго владыку, каковъ былъ Іовъ Потемкинъ. Позванный къ послѣднему, на градъ упрековъ и на вопросъ: „Какъ! ты не вѣришь мнѣ?“—онъ спокойно отвѣтилъ, что вѣритъ ему, какъ архипастырю, но не вѣритъ, какъ человѣку, такъ какъ онъ можетъ умереть ²⁾. Архіепископъ уступилъ, но, не оцѣнивая быть можетъ всей высоты гражданскаго мужества М. Я. Глухарева, въ его протестъ онъ могъ усмотрѣть проявленіе той гордости, съ которой такъ энергично боролся въ подчиненныхъ своихъ, и въ немъ могъ находить ее тѣмъ менѣе извинительной, что вскорѣ послѣ того Глухаревымъ подано было прошеніе о постриженіи въ монашество. А у добрыхъ иноковъ, по убѣжденію Іова, должно быть только два слова: прости, благослови ³⁾...

Къ прошенію М. Я. Глухарева архіепископъ отнесся холодно; онъ не только не далъ ласковаго приѣма желанію его, но и спросилъ, не можетъ ли онъ отложить это дѣло; когда же увидѣлъ рѣшимость его, то хотя и сталъ хвалить путь иночества, далъ понять, что человѣкъ двоедушный не устроенъ во всѣхъ путяхъ своихъ, и хотя приказалъ подать прошеніе, но съ видомъ такой угрозы, которой онъ совсѣмъ не чаялъ и понимать не могъ („Письма“, 32). Впрочемъ, препроводя 4 февр. прошеніе М. Я. въ Синодъ, архіепископъ писалъ о немъ, что онъ „поведенія честнаго, правилъ твердыхъ и постоянныхъ и къ монашеству склоненъ и надеженъ“. Разрѣшеніе со стороны Св. Синода послѣдовало 30 марта, но постриженіе произошло лишь 24 іюля, причѣмъ Глухаревъ, названный *Макаріемъ*, по синодальному указу 17 іюня былъ

¹⁾ *Птоховъ*, 15.

²⁾ „Стравникъ“, 1861, май, 232, 233.

³⁾ „Нѣкоторыя черты“..., 7.

причисленъ къ братству Кіево-печерской лавры ¹⁾). Замедленіе въ исполненіи перваго синодальнаго указа объясняется отчасти поѣздкой преосвященнаго по епархіи, отчасти его педагогическими видами по отношенію къ Глухареву и ради испытанія его искренности. Но самъ М. Я. понялъ его, какъ проявленіе свойственной архіепископу безпорядочности (какъ о немъ думали нѣкоторые) и его нерасположенія къ себѣ. Возникшее отсюда чувство недовольства владыкой продолжалось до постриженія, а послѣ еще болѣе увеличилось, когда архіеп. Іовъ сталъ примѣнять къ нему все чаще разнаго рода воздѣйствія для обузданія его своеволія и его гордости, „для низложенія его высокоумія“. Преосвященный то поручалъ ему приготовить проповѣдь къ празднику въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то дарилъ ему лѣтомъ шубку и въ ней везъ его за 30 верстъ въ загородный монастырь и тамъ водилъ его по разнымъ мѣстамъ, то отнималъ подарокъ. Послѣднія выходки были вызваны противодѣйствіемъ о. Макарія плану архіеп. Іова, раздѣлявшемуся всей семинарской корпораціей, приобрѣтенія для семинаріи дома помѣщика Жмелева. О. Макарій находилъ, что домъ и не стоитъ просимыхъ денегъ и не годенъ. Несмотря на всѣ требованія и угрозы архіепископа, онъ не взялъ назадъ своего, оказавшагося послѣ вѣрнымъ, отдѣльнаго мнѣнія, за то резолюція владыки по этому дѣлу была до того обидно-несправедлива, что о. Макарій поспѣшилъ послать (въ началѣ мая 1820 г.) прошеніе объ увольненіи отъ службы—„для подкрѣпленія своихъ силъ“. Но академическое правленіе уволило его только до выздоровленія и съ началомъ новаго года онъ, уступая настоянію друзей, вновь вступилъ въ должность ²⁾), хотя и не надолго.

Къ этому времени у него совсѣмъ испортились отношенія съ сослуживцами. Быть можетъ, не разъ обижаемые его правдивымъ и прямымъ до рѣзкости характеромъ, они готовы были видѣть въ немъ опальнаго монаха и безбоязненно выплачивали ему свои мелкіе счета. А иногда они подводили его подъ гнѣвъ архіепископа. Такъ сдѣлалъ ректоръ Никифоръ, доведши владыку, что о. Макарій молился съ квакерами. Это были Стефанъ Грелле-де-Мобилье и Вильямъ Алленъ, путешествовавшіе по Россіи въ 1819 г. и принятые о. Макаріемъ по письму архіеп. Филарета. Дневникъ Грелле-де-Мобилье объясняетъ, что о. Макарій предался внутреннему созерцанію на молитвенномъ собраніи екатеринославскихъ молоканъ, посѣдившихъ его и его товарища В. Аллена ³⁾). По порученію ректора, за о. Макаріемъ слѣдили, сцену

¹⁾ *Птоховъ*, 10, прим. 3.

²⁾ „Странникъ“, 1861, май, 234, 235—237, 239. *Птоховъ*, 23—25.

³⁾ Русская старина, 1874, I, 32—34. Извлеченія изъ дневника де-Мобилье.